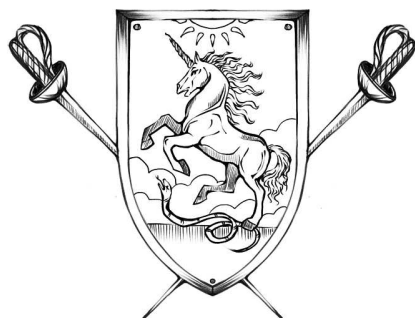

Екатерина Каблукова

ПРИНЦЕССА ПО ПРИКАЗУ

RUGRAM

УДК 82-312.9

ББК 84.4

К12

Каблукова Е.

К12 Принцесса по приказу / Е. Каблукова, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 278 с. — (Под грифом «Секретно»).

ISBN 978-5-521-91035-9

Верите ли вы в параллельные миры? Я не верила...

До того момента, пока мне не приказали заменить принцессу другого мира. Отказаться я не имею права.

Вот и пришлось против желания отправиться в загадочную Лагомбардию.

Южное солнце, зеленые холмы, древние храмы и магия — все это завораживает. Но еще больше завораживает тот, кто меня привел. Граф Алайстер. Надменный, гордый, чтобы победить, он не остановиться ни перед чем.

Но почему при одном взгляде на него у меня замирает сердце?

BIC FM

BISAC FIC027030

ISBN 978-5-521-91035-9

© Екатерина Каблукова, текст, 2023

© Евгения Князева,

обложка, иллюстрации, 2023

© RUGRAM, оформление, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 1

Меня отозвали из отпуска. Павел Андреевич лично. Он позвонил мне на мобильный и не терпящим возражений тоном потребовал через час явиться в его кабинет.

— Но... — я растерянно посмотрела на свои старые «треники» и пропотевшую майку, в которой под бдительным материнским оком полола ненавистные огурцы.

На все мои предложения приобрести этот пупырчатый продукт сельского хозяйства на рынке мама с бабушкой махали руками и начинали расписывать прелести экологически чистых овощей собственного производства. Я с содроганием понимала, что совсем скоро наступит тот момент, когда они купят несколько кур и — в довершение всего — заведут козу.

— Голованова, ты меня слышишь? — в голосе начальника послышались стальные ноты.

Значит, шутки закончились. Вздохнув, я взглянула на свои грязные штаны и попросила:

— Павел Андреевич, дайте хоть себя в порядок приведу! Я ж на даче!

— Трудовую повинность отбываешь? — усмехнулся полковник. — Ладно, Елизавета Аркадьевна, на все про все у вас час пятнадцать. Не больше. И езжай через ЗСД, быстрее будет.

— Так ведь там еще кусок не открыли... — возразила я

— Для тебя открыли. Я предупрежу кого надо, — он нажал клавишу отбоя.

— Лизок, кто там? — бабушка выглянула из кухни. Судя по мучке на лбу, на ужин ожидалась пирожки, и я даже порадовалась, что нашелся повод задержаться в городе.

Признаться, бабушке я завидовала. Мне не хватало ее спокойной уверенности в себе. В свои семьдесят с хвостиком пра-родительница являла собой воплощение элегантности.

Прямая спина, про такую обычно говорят: царственная осанка, огромные голубые глаза, тщательно уложенные волосы цвета спелой пшеницы — бабушка регулярно посещала парикмахера, ногти покрыты красным — обязательно ярко-красным — лаком. Возраст выдавали лишь морщины и некоторая медлительность движений, свойственная пожилым людям.

Лица у меня, мамы и бабушки были схожи, но вот пышные формы достались мне по отцовской линии.

Потому вся моя сознательная жизнь была борьбой за фигуру, которую я вечно проигрывала, покупая восхитительные булочки в кафе рядом с фитнес-центром. Иногда мне даже казалось, что кафе и фитнес-центр — две аффилированные структуры одного хозяина, которые великолепно дополняют друг друга: после тренировки всегда хочется есть, а съев булочку, чувствуешь вину и идешь опять на тренировку.

— Лизок, что стряслось? — голубые глаза смотрели на меня в упор, ожидая ответа.

— Все в порядке, ба! — отозвалась я и быстро отряхнула землю с одежды. — Меня просто на работу вызвали!

— Ты же в отпуске! — мама появилась в дверях с тяткой, напомнив мне стражника с алебардой.

— Что поделать, госслужба! — я пожала плечами. — Все, я тороплюсь! Мне в душ надо: не могу же я в таком виде появиться в ведомстве.

— Бросала бы ты эту работу, — посетовала бабушка. — Не отдохнуть, не поехать куда.

— Ну брошу и что тогда? — я рассматривала грязь под ногами, гадая, вымоется ли она, если помыть голову или нет.

— Как что? Вышла бы замуж...

— Был бы тот, за кого выходить! — буркнула я.

— Так и не будет, пока ты в этом комитете работаешь!

— Это федеральная служба, бабуля, комитеты давно упразднили!

— Ай, одним словом, органы! — отмахнулась прародительница. — Просто ужас, а не работа! С такой кто ж захочет тебя замуж взять? Хотя Сережа, вон, соседский, такой мальчик хороший...

Я лишь хмыкнула: Сережа, сын соседей по даче, в свои двадцать семь действительно был хорошим мальчиком. Именно мальчиком — не мужчиной. Жил с родителями в двухкомнатной квартире, работал менеджером в какой-то мелкой фирме и беспомощно хлопал глазами при каждом удобном случае, которых жизнь подкидывала немало. Помнится, когда у нас из-за ветра рухнули провода, и поселок остался без света, я бегала и грозила электрикам всеми карами земными и небесными, а Сережа сидел на крыльце с бутылкой пива и свято верил в то, что нас всех спасут.

— Не Сережа, так Костя, помнишь все за тобой в старшей школе ухаживал...

Поняв, что бабушка села на своего любимого конька, я предпочла позорно скрыться в душе и не слышать ее причитаний, о неродившихся правнуках.

Чуть позже с мокрой головой и все еще благоухая дорожным гелем для душа (подарок на Восьмое марта от Макса, моего, как это модно сейчас говорить, бойфренда, а попросту любовника), я буквально прыгнула в машину и рванула по трассе, здраво рассудив, что благодаря протекции начальства за превышение скорости сегодня тоже штрафовать не станут.

Павел Андреевич свое обещание сдержал: на ЗСД меня ждали и беспрепятственно пропустили по еще закрытому участку.

Я махнула рукой удивленным рабочим и понеслась по почти черному, еще пахнущему гудроном асфальту. Платная дорога своими белыми дугообразными фонарями напоминала мне скелет динозавра, лежащего на спине.

Наслаждаясь скоростью, я вдавила в пол педаль газа, но тут же резко затормозила потрясенная открывшимся видом: впереди после плавного изгиба виднелся мост. Казалось, он находился очень высоко над темной гладью воды Финского залива. Белоснежные пилоны устремлялись куда-то ввысь, а от них веером раскидывались стальные тросы, навевая мысли о снежных горных вершинах.

Ощущение высоты добавляли низкий горизонт и, как обычно, мутная вода где-то там далеко зловеще-серая, покрытая мелкой рябью из-за ветра... Эту картину не портила даже работающая на участке техника, ярко-желтый асфальтовый каток, и люди в оранжевых жилетах, суетившиеся рядом.

Пользуясь своим положением, я вышла из машины и подошла к краю, всматриваясь вдаль. Здесь, как нигде в городе, чувствовался запах моря, он манил, звал за собой, обещая приключения.

Душу охватило смятение. Мне вдруг захотелось бросить все и умчаться. Бродить по кромке воды, мечтать, глядя на огромные облака, а вечером смотреть на закат, глотая обжигающе горячий кофе.

Перед глазами мелькнула картина: зеленые виноградники, яркое южное солнце, бирюзовое море и... настоящий мужчина, принц на белом коне, протягивающий мне руку...

«Это твоя судьба! — шепнул на ухо ветер. — Не отказывайся!»

Телефонный звонок вывел меня из состояния транса. Я заморгала, пытаюсь понять, что только что привиделось. Оранжевый каток загудел, морской бриз смешался с запахом гудрона. Окончательно придя в себя, я взглянула на дисплей: Макс. Высокий с темными кудрями и почти черными глазами он ничуть не напоминал прекрасного принца.

Его отец, совершивший несколько удачных полулегальных сделок в далеком прошлом, владел небольшой компанией, что позволяло всей семье раздуться от важности.

Конечно, рядовая девушка, да еще и работающая в «органах», однозначно не была парой единственному сыну и наследнику, но... дочери олигархов тоже не спешили падать к ногам Макса.

Звонок повторился. Говорить не хотелось, и я нажала отбой, но очарование вида уже было нарушено. К тому же экран телефона безжалостно высветил мне время, и, спохватившись, я помчалась дальше.

И все равно я опоздала, понадеявшись найти парковку ближе ко входу. В обеденное время. В центре города.

Прокатившись кругов пять, я с трудом втиснула машину у желто-белой оранжереи Таврического сада и помчалась по Шпалерной, радуясь, что на ногах кроссовки, а не туфли на каблуках.

Здание на Литейном проспекте или, как его называли в народе, «Большой дом» уже с момента строительства обросло легендами. Построенное после революции на месте сгоревшего здания суда, даже внешне оно слишком выбивалось из ансамбля классической архитектуры Литейного проспекта: прямоугольное, с узкими рядами окон, облицованное гранитом, плиты которого были сняты с тогда ленинградских кладбищ. Жители города вечно ругали здание за несуразность и нарушение исторического облика проспекта, а еще постоянно рассказывали легенды.

Говорили, что количество подвалов в здании равно количеству этажей, и что это самое высокое здание СССР, из его подвалов видно Магадан. И что, войдя в это здание, люди из него уже никогда не выходили.

Насчет Магадана не знаю, входила и выходила я из здания ежедневно, но Большой дом, и правда, вызывал какую-то подавленность. Даже автомобили проезжали мимо как-то чуть медленнее.

Возможно, дело было в постоянном полицейском патруле около дверей или же во въезде на Литейный мост, куда в два правых ряда сворачивали с набережной. В любом случае сейчас мне было не до философских размышлений.

Я с трудом толкнула тяжелые двери махнула дежурному на входе своим удостоверением. Можно было этого и не делать: сегодня дежурил Игорек. Мой давний и почти тайный поклонник. Он моментально открыл «вертушку», за что получил воздушный поцелуй, и слегка покраснел.

На ходу кивая знакомым сотрудникам, я пронеслась по лестницам, выскочила в длинный коридор, казавшийся бесконечным из-за огромного количества одинаковых дверей, и влетела в знакомый кабинет начальника планово-экономического отдела.

Странно, но круглолицей Любочки, секретаря и помощницы нашего начальника, в приемной не оказалась, а ее компьютер был выключен. В обычной ситуации это могло бы меня насторожить, но я очень торопилась, потому проскакала в кабинет.

Павел Андреевич сидел за столом, как всегда, подтянутый, в костюме при галстуке. Слишком давно работавший в этой структуре, он не признавал джинсы или же кроссовки, считая их элементами чужеродной западной культуры.

Полковник недовольно посмотрел на меня, затем перевел взгляд светло-серых, почти бесцветных глаз, глубоко посаженных под седыми лохматыми бровями, на часы.

— Час тридцать. Что, Голованова, на мосту застряла, видом любовалась?

— Был грех! — все еще тяжело дыша, ответила я.

Полковник усмехнулся:

— Грех у тебя вечером будет, думаешь, не знаю, что ха-халь твой чернявый уже звонил? — Павел Андреевич пару раз видел Макса, заезжавшего за мной после работы, и люто невзлюбил, считая его бездельником, самостоятельно ни на что не способным.

По правде сказать, после смерти моего отца начальник взялся опекать меня, считая слишком молодой, порывистой и неопытной. На тот момент я была слишком подавлена утратой, чтобы возражать, а потом привыкла. Мне где-то даже была приятна эта слегка навязчивая забота, когда она не касалась моих отношений с мужчинами.

— С чернявым хахалем еще не ясно, а к грядкам точно не вернусь! — подтвердила я, проходя и закрывая за собой дверь.

Полковник поморщился:

— И ты туда же... что за мода такая из себя мушкетеров строить? Вам вышивать да детей рожать надо, а не шпагами махать! Впрочем, ты у нас и коня на скаку, и шпагой в сердце... Садись.

Я подчинилась и привычно обвела кабинет взглядом. Как и все в этом здании, он был абсолютно безликим, казенным. На окнах — блеклые жалюзи, вертикальные, что говорило о статусности хозяина, у нас на окнах они были горизонтальными. У стены, покрашенной в желтый цвет, за который мы называли работу «наш дурдом», небольшой стеллаж с разноцветными пластиковыми папками соседствовал с громоздким сейфом, закрывавшимся на ключ. Павел Андреевич не любил электронные замки, считая их чуть ли не порождением дьявола.

Сейчас за огромным столом, стоявшем буквой «Т», помимо хозяина кабинета сидел лишь незнакомый мне человек. В отличие от полковника он был одет в рубашку-поло и джинсы.

На ногах дорогие мокасины наверняка ручной работы, на руке два перстня: один с красным камнем, второй — печатка со сложным вензелем — и часы, как у Джеймса Бонда. Часы я узнала сразу: Макс мечтал о таких, но они стоили несколько тысяч и, конечно же, не рублей, поэтому мой предприимчивый друг заказал в Китае аналог и теперь гордился ими.

А вот часы незнакомца подделкой не являлись. Слишком уж они были подчеркнута неброскими, но элегантными. Макс бы отдал за них душу.

Пока я, забыв о приличиях, рассматривала циферблат, гость пристально изучал меня. Заметив это, я вскинула голову, дерзко заглядывая в его ничем не примечательные светлые глаза. Кажется, серые.

Невысокий, поджарый, волосы темные с проседью, черты лица какие-то смазанные, обычные, такого в толпе и не заметишь. Хотя... было в нем что-то, что привлекало внимание. Я взглянула на него внимательнее, отмечая красивые губы и правильной формы нос, какими скульпторы античности обычно награждали свои творения.

Пока я бравировала, взгляд незнакомца, скользнув по лицу, остановился на моей груди, почти вызываясь обтянутой футболкой. В этом не было никакого сексуального подтекста, лишь какой-то холодный расчет, отчего мне стало очень неудобно. Помедлив, мужчина с часами Джеймса Бонда повернулся к хозяину кабинета и кивнул:

— Да, то что надо.

Нахмурившись, я откинулась на спинку стула и демонстративно обратилась к начальнику:

— Товарищ полковник?

Он задумчиво посмотрел на меня, будто решаясь. Это было не похоже на Павла Андреевича, обычно он, если уже вызывал, то не сомневался. Пауза затягивалась. Я даже начала гадать, по какому делу меня могли вызвать, когда наконец полковник нарушил затянувшееся молчание.

— Скажи-ка мне, Голованова, а ты современную литературу читаешь? — неожиданный вопрос заставил подскочить на месте.

Я тут же вспомнила, как, купившись на рецензии, пыталась прочесть роман современного классика, где героиня «преодолевала множество тягот судьбы».

Роман начинался с того, что малолетняя девица справляла малую нужду под забором, после шло описание, как ее родители зачинали ее. Книжку я отложила и долго стояла под душем, пытаюсь смыть это чувство омерзения от прочитанного. Тогда

